

Ю. И. Ермилов

**Преподаватель ИПБИ им. Св. Апостола Иоанна Богослова
и ИХУ им. М. И. Малютина, художник, иконописец, арт-
теоретик**

Литературно-метонимическое мышление: любовь и ад в его интерпретациях

В статье поднимается проблема расчеловечивания культуры и повсеместной биологизации всех аспектов бытия: социальных, культурных, политических и духовных, где понятия «любовь» и «ад» переходят из сакрального ряда в маргинальный.

Ключевые слова: Расчеловечивание, биологизация, литературно-метонимический, любовь, ад, предпонятие.

В эпоху постмодерна с каждым днем все более и более настойчиво приходит мысль о том, что уже давным-давно на нашей планете началась биологическая революция. Мыслящая часть человечества ее пропустила, до сих пор определяя большинство происходящего как собственно НЕЧТО социальное, духовное или политическое, и соответственно предлагая пути выхода из самых разных кризисов с помощью традиционных в своей основе анализов цельности мира или фрагментов бытия.

Осознание Любви и Ада как явных узлов этой и потусторонней реальности требует чистого и незамутненного животным началом мироощущения. Оно появляется намного раньше определяющей его формулы только как состоявшееся явление, не подверженное колебаниям и блужданиям по духовному полю личности. Обретая Имя, они делаются общественным достоянием сакрального в своей основе мира.

Когда обсуждение любой проблемы становится равным ее забалтыванию, это свидетельствует о ее состоявшемся исчезновении. Если точнее, то о потере общественной необходимости в ней как в неоспоримой и бесспорной данности. Имя явления полностью теряет изначальный смысл, оставаясь рудиментом когда-то бывшего духовным. Это произошло с понятиями Любовь и Ад. Обесмысливание терминов происходило под по-

стоянно усиливающимся влиянием изменения словесно-речевой атмосферы, до сих пор неосознаваемой теми, кто ей дышит.

Можно предположить, что биологизация сознания началась с расчеловечивания личности в восемнадцатом столетии с возникновением эпохи Просвещения. Первые серьезные самообманные шаги этого движения в Европе формально выглядели гимном величию человека, раскрывающего тайны природы, и ставящего их на службу счастью будущего человечества. Количественное прибавление благ физического и морального плана представлялось тогда, да и сейчас большинству людей представляется прогрессом, попросту - улучшением качества жизни. Приобретение прав и свобод определенного типа и состава казалось естественным развитием логического итога человечества, обеспечивающего самому себе наиболее полное и равномерно распределенное состояние юридического комфорта, что и признано реальным приближением к воплощению социального идеала. На деле все эти заведомо количественные приобретения вообще не касались множества проблем человеческих взаимоотношений. Поэтому любое политическое изыскание, направленное на изменение жизни всего мира или некоего сообщества как бы в лучшую сторону, независимо от его конкретных приоритетов и акцентов, всегда в итоге

оказывалось не просто ошибкой, а заведомой ложью и обманом. Потому что в основе своей обязательно содержало биологическое ядро, о котором ни в коем случае не упоминалось, явно определяющее движение мысли, но не имеющее прямого отношения к чисто человеческому в людях. Образно оформленное в как бы духовную литературно-метонимическую доктрину, оно воспринималось как форма чистого - неживотного поиска истины. И все временные представления о справедливости, как только они прикасались к бесспорно неразрешимым их методикой проблемам, вставляли в тупик перед некоторыми простейшими вопросами жизни, из которых как раз и состоит подлинная сторона Бытия.

Расчеловечивание личности началось поначалу с ее возвеличивания в литературно-поэтических произведениях, когда ей начали приписывать явно неадекватные свойства. Подобное явление известно всем как гуманизм, и он, опять-таки, безусловно, считается наиболее позитивным по отношению к иным системам мироощущения, к более сдержанным и дисциплинарным структурам человеческого общежития. Но как показывает практика, прогресс не является улучшением жизни вообще, а свидетельствует лишь о технических достижениях, о прибавлении количества материально бесконечного, обеспечивающих увеличение любой формы не только комфорта и сытости, но и паразитизма и безделья. При этом вопреки истине всерьез подразаывается, что, например, любое времяпровождение с гаджетом есть творчество, и именно в той реальной - справедливой - мере, в какой одарен сам человек.

Обзор исторического пространства в глубину веков и в более древнее прошлое свидетельствует о том, что становление человека именно как Человека происходило в обретении им духовности вопреки его же животности, и собственно человеческое состояло всегда в сознательном самоограничении во всем, что может представляться излишеством. Это умение отнять у себя последнее и отдать другому (в любой форме!!!) было и основой творчества, которое не ставило перед собой практических задач, тех, что ему приписывали позднейшие одарвинизированные исследователи. Оно было соединено с идеей Бога и далее - с Его Знанием. Это Знание об-

реталось через дифференциацию предпонятий, переходящих в сердечном уме в понятия пар: любопытство-любопытательность, Религиозность - вера, страсть-любовь, и т.п., ряд которых в историческом процессе становится практически бесконечным и всегда работает на обретение человечности. В раскопах доисторических предков находят больше всего произведений искусства, значительно больше, чем орудий, обеспечивающих защиту жизни и добычу пищи. Все искусство древнейшего прошлого вопиет против биологии и побеждает ее.

Сейчас то, что прошло многоступенчатый путь богоприсутственного очеловечивания, уже почти растеряло исконно Божие. Оно с гигантской скоростью освобождается от всего человеческого, стремительно всеми способами возвращаясь в чисто биологическое состояние, которое легко объясняет многое в миге современности. Это иногда можно назвать даже доживотным деланием, так как в мире фауны существуют более твердые законы взаимоотношений, чем в некоторых современных ситуативных социальных блоках.

Первое, что тревожит сознание, это полный отказ от желания заглянуть внутрь явления или предмета или представить его целиком. Сначала такое оценивалось философствующими исследователями возможностей человеческого потенциала как нескромная и высокомерная фантазия, потом они стали приветствовать, в первую очередь, частности, и далее, то есть сейчас, как бы запрещено даже хотя бы озвучивать глобальные явления и предметы с позиции реальности их присутствия в мире. Это привело к агрессивному литературно-метонимическому мышлению, которое исключает даже желание знать предмет, а позволяет лишь исказить его суть с помощью переноса акцентов с главного на третьестепенное. На первый взгляд кажется, что насильственное внедрение мата и секса, а по сути, и наркотиков в практику бытия используется власть имущими и финансово-экономическими боссами как проверенный способ для спуска пара в среде недобольных масс. Это справедливо лишь отчасти, но само употребление нецензурщины в той избыточной и пустой форме, что наблюдается вокруг, говорит, прежде всего, о потере личного и общественного человеческого досто-

инства – во всех смыслах, то есть доведение самих себя до состояния неоскорбляемости. И уже неважно, есть ли вокруг справедливость любого типа – в ней нет нужды. А если и есть, то реальный баланс добра и зла все равно не будет соблюден, потому что уже нет изначального чувства чести, а без него не может быть вообще поставлен подобный вопрос. Он превратится в каприз, как и все, что попадет под руку, и тут же понравится, или не понравится. Современный сленг двух поколений тоже отказывается от человеческого осмысления окружающего и от постижения внутренней целостной константы Бытия и его элементов. С помощью таких лингвистических единиц невозможно составить портрет кого-либо или чего-либо даже приблизительно. Продукты питания любого искусственного происхождения и даже несъедобные все равно – клевые или, как минимум, прикольные, что само по себе классно, а киллер-профи и лауреат Нобелевской премии – оба крутые или чиповые. И принципиальной разницы между ними нет.

Биологизация бытия, увы, провоцируется техническими достижениями. Сознательно пассивное времяпровождение делает составляющие жизни лишенными и следа сердечного или умственного напряжения. А весь предыдущий интеллектуальный и духовный багаж человечества прошедшего года-месяца-часа становится и уже стал столь же далеким, как Древний Египет или доисторическое искусство. Язык уже давно не соответствует семантике толкового словаря. Любовь и Ад в понимании современного (не молодого!!!) человека вообще никак не укладываются в рамки их изначально признанных смыслов. Это, учитывая, что их значение и внутренний состав в процессе истории расширялся и обогащался, правда, чаще через не очень удачные попытки литературы. Вообще любви здесь явно не повезло. И хотя она прошла в своей самоидентификации через толщу литературной лжи, где, например, страсть Ромео и Джульетты стала как бы пародийно-циничным ее символом, живая Любовь в ре-

альности не теряла своего места, оставаясь именно крошечной, но важнейшей частью человечности окружающих ее людей. Разное до противоположности отношение к ней социальной среды ничего не изменило в ее постоянной сущности, но в словесно-речевом аспекте подвергало ее трансформациям, смысл которых привязан не к ее содержанию и сути, а к намеренно неудачному слову, которое гордится собственной беспомощностью проникнуть в ее Бытие.

Ад ныне – это ужастики. Очень точно придуманный термин, закрывающий вход в смысл этого явления. Так же как и современное «бухло», означающее и «боярышник», и коллекционный «мартини», и «трояр» для мытья стекол. В данном случае изначально подразумевается, что все эти явления одного ряда по содержанию и отношению к истине. Принципиальное неразличение рыночной клишированной фантазии и воплощения низшей формы реального духовного и физического зла в той и этой жизни указывает на уже состоявшийся выход глобальной ментальности из исторической мировоззренческой правды. То, что до сих пор именуется культурой, сделало невозможным продуктивное и рассуждение на тему любви и ада, потому что давно и сознательно вышло из непрерывного исконно культурного пути человечества на путь потребления.

Любовь и Ад, как реально осознаваемые константы Бытия, ныне в русском интеллектуальном пространстве – удел тончайшего слоя верующих, сохранивших живую причастность к неразрывной связи слова и его незыблемого смысла. Для социума это лишь повод для очередной шутки, а точнее – прикола. До сих пор культура так и не сумела сохранить портретов любви и ада для будущих поколений. Может из-за того, что и Любовь, и Ад как понятия воспринимаемы и проживаемы лишь в личностной духовно-интеллектуальной системе и не доступны коллективному разуму?

©Ермилов Ю.И., 2019